

Аванесова Елена Григорьевна

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИЭТНИЧНОГО ГОСУДАРСТВА

Объектом данной работы является так называемый "национальный вопрос". Тема "Мультикультурализм и проблема стабильности полиэтничного государства" предполагает рассмотрение взаимосвязи между культурной мозаичностью государства и его политической стабильностью. Автор использует в статье термин "мультикультурализм" в различных смысловых значениях: как культурное многообразие того или иного государства и как стратегию этнической политики полиэтничного государства, нацеленную на сохранение его культурного многообразия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 10-13. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 323.1

Объектом данной работы является так называемый «национальный вопрос». Тема «Мультикультурализм и проблема стабильности полиэтничного государства» предполагает рассмотрение взаимосвязи между культурной мозаичностью государства и его политической стабильностью. Автор использует в статье термин «мультикультурализм» в различных смысловых значениях: как культурное многообразие того или иного государства и как стратегию этнической политики полиэтничного государства, нацеленную на сохранение его культурного многообразия.

Ключевые слова и фразы: полиэтничное государство; этническая политика; гражданская идентичность; политика мультикультурности; мультикультурные сообщества.

Елена Григорьевна Аванесова, канд. филос. наук

Кафедра политологии

Томский государственный университет

avanesoavsf@yandex.ru

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИЭТНИЧНОГО ГОСУДАРСТВА[©]

Опыт полиэтничных государств по формированию этнической политики, результатом реализации которой предполагается внутренняя консолидация и интеграция многокультурного сообщества, разнообразен и специфичен. Между тем, есть смысл говорить о характерной для демократических государств мира общей тенденции в изменении оснований данной политики. Речь идёт о трансформациях стратегий этнической политики полиэтничных стран в XX в.: от ассимиляторских к мультикультурным.

Культурное многообразие полиэтничного государства вплоть до середины XX века представлялось одним из факторов его возможной внутренней дезинтеграции, ведущей к сепаратизму и утрате территориальной целостности. Вследствие этого, одной из важнейших целей этнической политики становилось формирование единой политической нации посредством преодоления культурного и этнического многообразия. Данная политика нациостроительства (формирования политической нации, согражданства) основывалась на идее о том, что культурные различия преодолимы. Важнейшей стратегией преодоления культурного многообразия рассматривалась ассимиляция культурных меньшинств [7, с. 250–251]. В самом процессе ассимиляции не видели ничего деструктивного. Такая практика позиционировалась не только как условие будущей стабильности многокультурного государства, но и как специфический способ приобщения малых культур к высоким культурам. Указанное приобщение расценивалось в качестве исключительно полезного и позитивного для самих культурных меньшинств.

Самым ярким примером последовательной реализации политики преодоления культурного многообразия являются США. С начала XX века и вплоть до 60-х гг. XX века в этнической политике США доминируют ассимиляторские стратегии, базовые идеи которых состоят в том, что усилия правительства, направленные на культурную и социальную ассимиляцию (вдобавок к естественной биологической ассимиляции), могут и должны привести к максимально возможному единообразию, размыванию этнических границ и формированию единой политической нации – «американцы» [13, с. 38, 65].

Нет сомнения в том, что усилия американского государства по формированию единой американской нации дали определённые положительные результаты. Были достигнуты неплохие успехи в плане языковой, культурной и политической ассимиляции. Значительное количество иммигрантов и их потомков, особенно находившихся в смешанных браках, во время проведения опросов и переписей затруднялись определить своё этническое происхождение по народу-предку и называли таковым американское происхождение [Там же, с. 83]. Между тем, прежние идентичности оставались и остаются значимыми для большинства американских граждан.

К середине XX века стало ясно, что даже последовательная реализация курса на преодоление культурного многообразия и слияние различных этнических групп в государстве в одну гражданскую нацию не даёт ожидаемых результатов. Этнические идентичности продолжают сохранять свою актуальность. Идея о том, что культурные различия преодолимы, оказалась несостоятельной.

Несостоятельность ассимиляторских стратегий актуализировала проблему выработки новой стратегии этнической политики, направленной на внутреннюю интеграцию полиэтничного сообщества при одновременном поощрении культурного многообразия. Такой стратегией стал мультикультурализм. Демократические государства мира начинают признавать ценность культурного многообразия и «перестают считать культурную неоднородность тем, что подлежит преодолению или устранению» [7, с. 251]. Культурное многообразие полиэтничного государства позиционируется теперь не как фактор дезинтеграции политического сообщества, но, напротив, как условие его сохранения. Представляется, что культурная фрагментация государства не противоречит идее национального единства. Лозунг «Единство в многообразии» становится модным.

Появление идеологии и политической практики мультикультурализма связывают с Канадой. В конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. правительство Канады объявило государство мультикультурным сообществом и взяло курс на «принятие концепции мультикультурности в качестве официальной политики» [3, с. 137]. Для решения поставленных перед государством задач в Канаде создаётся специальный орган в правительстве – министерство по делам мультикультурности. Цель политики мультикультурности была сформулирована как «поощрение групп индивидуумов к интеграции через средний курс между ассимиляцией и отделением» [Там же, с. 138]. Принципы культурной политики были юридически закреплены в Законе о мультикультурности и касались не только вопросов сохранения культурной идентичности, но и вопросов обеспечения равенства в экономической, социальной и политической сферах [Там же, с. 140].

Политика мультикультурности строилась на определённых посылах, среди которых одна из важнейших – поддержка всех этнических групп. Правда, по мнению некоторых учёных, в основе данной политики было вовсе не желание англоязычного большинства реально поддерживать и сохранять все наличествующие в Канаде культуры, а попытка избежать или отложить во времени биполяризацию страны [11, с. 244].

В самой Канаде по-разному оценивали результаты проведённых «мероприятий». Критики правительственной политики мультикультурности называли одним из серьёзных последствий её осуществления обострение соперничества среди этнических меньшинств (которые всюду использовали ситуацию и финансовые средства, выделяемые на поддержку их культурного своеобразия), что препятствовало восприятию ими общеканадских идеалов и ценностей. Сторонники же политики мультикультурности «подчёркивали, что культурные и этнические различия нельзя считать несовместимыми с идеей национального единства», т.к. «единство в многообразии» – это и есть национальная идея Канады. А потеря культурной мозаичности есть утрата специфической самобытности канадского общества [3, с. 140-141].

В 80-90-х гг. XX века Канада подводила первые итоги реализации политики мультикультурализма. В 1980 г. и 1995 г. состоялись референдумы во франкоязычной провинции Квебек по вопросу о политическом самоопределении, на которых около 50% населения провинции (41% и 49,42% соответственно) высказались за суверенитет [9, с. 66]. По мнению некоторых экспертов-политологов, сохранение территориальной целостности Канады – это вопрос времени [5, с. 141]. Значит огромные усилия, которые политическое руководство страны прилагало для решения этнополитических проблем государства, не принесли желаемых результатов. Следует ли отсюда вывод, что ни политика ассимиляции и стирания этнических границ, ни политика культивирования данных границ и сохранения культур не есть гарантия или условие сохранения целостности государства и его внутренней стабильности?

Вопрос, касающийся связи культурной мозаичности государства и его стабильности, представляется очень важным. В своё время лорд Актон писал следующее: «Там, где политические и этнические границы совпадают, общества перестают развиваться», а «соединение различных наций в одном государстве есть условие цивилизованной жизни столь же необходимое, как соединение людей в обществе» [1, с. 43]. По замечанию Актона, благотворный процесс восстановления способности к самоорганизации и управлению возможен лишь при условии жизни под одним правительством [Там же].

Есть и другая точка зрения – многокультурность государства часто является причиной его внутренней политической нестабильности. По мнению американского исследователя Сейлы Бенхабиб, которая рассматривает мультикультурализм с позиций социологического конструктивизма, радикальный мультикультурализм не способствует преодолению фрагментарности общества и сохраняет жесткие границы (подтверждением чему является, на наш взгляд, канадский опыт). Демаркационные линии между культурами легитимизируют применение власти в рамках группы, поэтому они всегда надёжно охраняются [2, с. 8–9]. Каждая культурная группа стремится к закреплению границ, а практический мультикультурализм поощряет это естественное стремление культурных групп к самосохранению.

Представляется, что данные точки зрения, по сути, не противоречат друг другу. С одной стороны, многокультурность государств – это явление естественное и неизбежное, имеющее позитивные функции. С другой, культурная фрагментарность может представлять угрозу территориальной целостности государства и требует постоянного внимания со стороны политического руководства полиэтничного государства. Проблема состоит в выработке такой стратегии этнической политики, которая учитывала бы и позитивные, и негативные составляющие культурного многообразия политического сообщества.

Опыт западных государств, формировавших этническую политику с использованием идей мультикультурализма, показал, что практический мультикультурализм способен гуманизировать в той или иной степени межэтнические взаимодействия, особенно в том случае, когда с его помощью удавалось защищать межкультурную справедливость в отношениях между группами людей во имя самой справедливости и свободы, а не ради абстрактного сохранения культур [Там же, с. 9]. Между тем, нельзя однозначно рассматривать мультикультурализм как идеологию интеграции полиэтничного государства. Одним из аргументов в пользу данного тезиса является утверждение о том, что политика мультикультурализма блокирует перспективу гражданского общества. Дело в том, что в период глобализации западные государства столкнулись с серьёзной проблемой – масштабной иммиграцией. Мигранты, как люди с культурой, отличающейся от культуры принимающего сообщества, должны получать поддержку со стороны государства (следуя логике политик мультикультурализма) для развития и сохранения своей культуры. Критики политики мультикультурализма считают, что одним из её последствий может быть самоизоляция мигрантов в этнических гетто [7, с. 261]. И это не единственно возможное негативное последствие. Иноязычные и инокультурные иммигранты часто

воспринимаются принимающей стороной весьма негативно не только по причине (фактической или воображаемой) того, что они занимают рабочие места, не уважают культуру местного населения, но и по причине своей «инаковости», которая сама по себе может восприниматься как знак угрозы. Недоверие и недовольство принимающей стороны по отношению к этническим меньшинствам активизирует и радикализирует политическую активность иммигрантов, что, в свою очередь, вызывает протестные действия уже со стороны большинства или принимающего населения. По такой же схеме могут развиваться отношения не только между иммигрантами и принимающей стороной, но и между этническим большинством и этническими меньшинствами полиэтничного государства [10, с. 24].

Итак, мультикультурализм, как современная альтернатива ассимиляторским стратегиям, не является бесспорным в плане достижения эффективного межэтнического взаимодействия и стабильности в полиэтничном государстве. Данный вывод актуализирует не только проблему выработки новых действенных стратегий этнической политики, но и вопрос о *будущем* полиэтничного государства.

По мнению Ю. Хабермаса, разнообразие культурных форм жизни, этнических групп, мировоззрений и религий сегодня стремительно возрастает. «Кроме политики этнических чисток, такому пути к мультикультурным обществам альтернативы нет» [12, с. 374]. Вопрос в том, каковы политические границы, в рамках которых в будущем возможно существование указанных сообществ. Неспособность полиэтничных государств к демократическому решению проблемы культурного многообразия породила идею о том, что распад таких государств может рассматриваться как положительное явление. Не все случаи сепаратизма плохи, а политика поддержки целостности полиэтничных государств – хороша [4, с. 81]. Более однородные в культурном отношении государства создают наиболее благоприятные условия для демократии. Д. Миллер в своей книге «О нации» приходит к выводу о желательности национального самоопределения, хотя и подчёркивает, что далеко не все этнические группы готовы к политическому самовыражению [6, с. 198]. Он озвучивает ряд условий, при которых указанное самоопределение нежелательно или невозможно. Автор, таким образом, рассматривает данную проблематику в рамках нормативного подхода: наличие права на политическое самоопределение возможно лишь при соответствии определённым критериям.

Однако, как полагают многие исследователи, анализ этнополитических процессов указывает на то, что мир вступает в такой период своего развития, когда уже не столько государства будут регулировать межкультурные взаимоотношения, сколько мультикультурные сообщества и регионы будут влиять на трансформацию национальных государств и формирование новой политической системы мира в целом. С середины XX века актуализируются мультикультурные движения. Они выступают за *плюрализацию* культурных идентичностей, *децентрализацию* административного единообразия, передачу демократической власти регионам или группам. Формирование указанных мультикультурных движений может быть расценено как первый шаг от эры унитарного гражданства к эре мультикультурных сообществ [2, с. 216–217].

Тема будущего миропорядка является на сегодняшний день одной из самых обсуждаемых в западной политической философии [2, с. 214; 8, с. 384–385; 12, с. 374]. Одним из итогов данных обсуждений стал вывод о том, что сегодня *уже запущены* механизмы «отмирания» или трансформации национальных государств. Одной из важнейших причин указанных изменений (помимо политических, экономических, информационных) стала несостоятельность стратегий этнической политики: национальные государства так и не смогли достигнуть такой степени культурной однородности, которая стала бы основой политической стабильности государства.

Список литературы

1. **Актон Дж.** Принцип национального самоопределения // *Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 26–51.
2. **Бенхабиб С.** Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эпоху. М.: Логос, 2003. 350 с.
3. **Гавриленко Н. Н.** Политика мультикультурности в Канаде: 60–90-е годы XX в. // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2000. № 6. С. 136–141.
4. **Дробижева Л. М.** Возможность либерального этнонационализма // *Реальность этнических мифов*. М.: Гендальф, 2000. С. 77–93.
5. **Захаров А. А.** Федеративное государство и сепаратизм: канадский вариант // *Полис*. 2002. № 3. С. 129–141.
6. **Коротеева В. В.** Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // *Pro et Contra*. 1997. Т. 2. № 3. С. 185–203.
7. **Малахов В. С.** Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005. 320 с.
8. **Манн М.** Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // *Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 381–410.
9. **Обыденкова А. В.** Провинция Квебек в системе канадского федерализма // *Вестник Московского университета*. Серия 12. Политические науки. 2001. № 2. С. 53–69.
10. **Паин Э. А.** Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, 2004. 248 с.
11. **Тишков В. А.** Реквием по этносу. М.: Наука, 2003. 544 с.
12. **Хабермас Ю.** Европейское национальное государство: его достижения и пределы: о прошлом и будущем суверенитета и гражданства // *Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 364–380.
13. **Чертина З. С.** Плавильный котёл? Парадигмы этнического развития США. М.: ИВИ РАН, 2000. 164 с.

MULTICULTURALISM AND POLY-ETHNIC STATE STABILITY PROBLEM

Elena Grigor'evna Avanesova, Ph. D. in Philosophy
Department of Political Science
Tomsk State University
avanesovafsf@yandex.ru

The author discusses the so-called “national question”, shows that the theme “Multiculturalism and the problem of poly-ethnic state stability” involves the consideration of the relations between the cultural mosaic of state and its political stability, and uses the term “multiculturalism” in different meanings: as a cultural diversity of one or another state and as the strategy of multiethnic state ethnic policy aimed at its cultural diversity preservation.

Key words and phrases: poly-ethnic state; ethnic policy; civic identity; multiculturalism policy; multicultural communities.

УДК 316.48

В статье предпринята попытка выявить и проанализировать системные характеристики и основные составляющие «несимфонийности» стратегий конфликторазрешения в российском обществе. С использованием концептуального языка конфликтологии рассмотрена специфика политической конфигурации, своеобразная логика взаимоотношений между обществом и государством, характерных для трансформационных процессов в России.

Ключевые слова и фразы: власть; конфликт; ресурсы; российские трансформации; конфликтно-институциональный подход; модернизационный проект.

Андрей Викторович Алейников, д. филос. н.
Кафедра конфликтологии
Санкт-Петербургский государственный университет
av-aleynikov@yandex.ru

**ПРОБЛЕМНЫЕ УЗЛЫ КОНФЛИКТОВ РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ®**

У российских трансформаций уже есть не только биография, но и периодизация. Но если сменить оптику и посмотреть на предмет издали, виднее внешняя история предмета: какой глубины и длительности течения конфликты дают процессу трансформации смысл и силу, в какие временные масштабы, ритмы и волны он вписывается, какие пласты сознания и бессознательного поднимает или прячет.

На определенном этапе развития методологической рефлексии стало ясно, что предложить некую законченную концепцию особенностей постсоветской трансформации невозможно ни с помощью прямого переноса схем и моделей, разработанных на материале стран Запада, ни с помощью выработки особых подходов, призванных объяснить уникальность конкретных случаев.

Надо признать, что свежесть нового утрачена здесь не вчера. Тютчевская формула порочного исследовательского круга – «умом Россию не понять» – этот изысканный интеллектуальный прикол удобен, но отсылка к нему отнюдь не помогает осмыслению российских социально-политических реалий, впрочем, так же, как и целая коллекция разных попыток толкований и срезов понимания России не своим, а чужим умом.

В неангажированной экспертной среде принято считать, что «разрыв между наблюдаемым, – как формулирует Симон Кордонский, – и способами его объяснения поражает. Феномены нашей жизни имеют мало общего с тем, чему следует быть, если исходить из общепринятых теоретических схем. Во многом поэтому аргументация в обычном интеллигентском дискурсе строится как противопоставление того, что есть (устрашающего, неправильного), тому, что должно быть согласно исповедуемой дискуссионной теории. Но при этом даже самые простые идеологически и политически не акцентированные описания отечественных реальностей – пока редкость. Более того, предметное знание о том, что происходит в стране, вызывает реакции типа “этого не может быть, потому что этого не должно быть” и “это незачем знать, потому что оно исчезнет в ходе реформ”. Вместо исследований тиражируется бездумное применение импортных теорий, предполагающее, в точном соответствии с прогрессистскими стереотипами, что Россия – такая же страна, как и те, в которых методики созданы. Однако апологеты импортных теорий, презентуя результаты своих исследований, вынуждены, если честны, признавать, что исследованный ими феномен совсем не такой, каким они себе его априори представляли, или не существует вовсе» [10, с. 8-9].

Впрочем, это известно и из истории. У В. О. Ключевского находим: «Действующие лица действуют молча, воюют, мирятся, но ни сами не скажут, ни летописец от себя не прибавит, за что они воюют, вследствие чего мирятся; в городе, на дворе княжеском ничего не слышно, всё тихо; все сидят запершись и думают думу